

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ RELIGION STUDIES AND SOCIOLOGY OF CULTURE

УДК: 293.11: [165+236]

DOI 10.18413/2075-4566-2019-44-1-93-101

ИНИЦИАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ МИФОЛОГИИ ДРЕВНИХ ГЕРМАНЦЕВ

THE INITIATIC ASPECT OF THE MYTHOLOGY OF THE ANCIENT TEUTONS

Н.И. Петев

N.I. Petev

Владимирский государственный университет имени А.Г. и Н.Г. Столетовых,
Россия, 600000, г. Владимир, ул. Горького, д. 87.

Vladimir state University named after A. G. and N. G. Stoletovs,
87 Gorky st., Vladimir, 600000, Russia

Анотация

Посвящение играет важнейшую роль в социальной жизни того или иного народа или этноса. Специфика его зависит от религиозных представлений, которые через мифологемы раскрывают сущность и телеологию этого феномена. В тексте мифологем религии древних германцев невозможно встретить ярко выраженное указание на непосредственный факт посвящения. Инициатический элемент присутствует в мифах имплицитно. Поэтому необходим детальный анализ мифологем для выявления инициатических элементов. Тем не менее, в общей мифологеме он играет важную роль стимулятора всего онтологического процесса в скандинавской мифологии. Кроме того, инициатический аспект скандинавской мифологии взаимосвязан с эсхатологией и апокалиптикой религии древних германцев.

Abstract

The article discusses the initiatory phenomenon of Norse mythology. Dedication plays a vital role in the social life of a people or ethnic group. The specific of it depends on religious beliefs, which through the myths reveal the essence and teleology of this phenomenon. The text of myths of the religion of the ancient Germans it is impossible to meet a strong indication of the immediate fact of initiation. Initiatic element is present in the myths implied. Therefore requires a detailed analysis of myths to identify initiatic elements. However, a total myth he played the role of a stimulator of the entire ontological process in Norse mythology. In addition, the initiatic aspect of Norse mythology is interconnected with the eschatology and the apocalyptic religion of the ancient Germans. The result of this study revealed that initiatic element in the mythology of the ancient Germans is present in three forms: providentialism in the framework of the apocalyptic, the personality associated with soteriology and the military.

Ключевые слова: инициация, посвящение, Локи, Смерть Бальдра, Фенрир, Один, Рагнарёк, нравственность.

Keywords: initiation, dedication, Loki, the Death of Baldur, Fenrir, Odin, Ragnarok, morality.

Введение

Скандинавская мифология – это одна из первых систем религиозных представлений, которая имеет ярко выраженный эсхатологический примат, а также чёткую детерминацию и дифференциацию добра и зла. Этот аспект создаёт особую систему ценностей,

которая отличается от христианской или какой-либо иной. Мифологические представления древних германцев – это не просто сказания, саги и поэмы. Они отражают уклад и традиции, которые являлись основой скандинавского общества. Мифологемы детерминировали индивидуума к определённой линии поведения. Особенно это заметно, если рассматривать общество в рамках нравственной парадигмы.

Отметим, что в скандинавской мифологии прослеживается чёткая инициатическая тенденция. Бог Один (он же Вотан), для того, чтобы получить магические способности, принёс самого себя в жертву. Согласно первому варианту мифа, Один жертвует свой глаз, чтобы обрести пророческие способности. Второй вариант, который наиболее интересен, заключается в распятии Вотана на дереве. Он провисел на нём девять дней, его сердце пронзало собственное копьё Гунгнир (мотив данного мифа сходен с распятием Иисуса Христа). Достижение магических способностей требовало от Одина огромных страданий. Один провисел на дереве «в качестве человеческой жертвы», «посвященный Одину, в жертву себе же» [Симпсон, 2005, с. 210]. Для инициации страдания физические испытания являются характерными и неотъемлемыми элементами. Такое испытание для Вотана было необходимым, ибо только подобным образом он мог получить способность экстатического контакта с иными мирами [там же, с. 210].

Существует этиологическое обоснование данного мифа. Дело в том, что в скандинавской мифологии боги подобны людям: они несовершенны и смертны [Гербер, 2008, с. 289]. Иными словами, они имеют определённые ограничения: физические, духовные и нравственные. Поэтому для получения каких-либо способностей сверх своей природы им необходимо было пройти инициацию. Рассматривая фигуру Одина в мифологии, можно сделать вывод, что, пройдя испытание и получив магический дар, он обрёл два важных качества – индивидуальность и тотальность. М. Элиаде отмечает, что «в мифическом мышлении прежде, чем стать индивидуальным, необходимо стать тотальным» [Элиаде, 1999, с. 75-76]. Это высказывание актуально и для данной мифологемы. Применяя его к сюжету распятия Одина, можно отметить, что, с одной стороны, Один выделяется среди богов как более могущественный, с другой стороны – подчеркивается его всеобъемлющий характер, а именно, связь со всеми девятью мирами скандинавской мифологии. Дело в том, что древо Иггдрасиль – это символическое изображение космологии мироздания, согласно вероучению древних германцев. Столб или древо – это Мировая Ось. Пронизывая все уровни (сферы) мироздания, древо является и их основанием, и «мостом», который их соединяет. Поэтому инициацию Одина на древе можно интерпретировать как приобщение к сути, секретам и тайнам всех девяти миров.

Инициация бога Локи

Имманентное присутствие элементов инициатического посвящения можно обнаружить в сюжете наказания бога Локи асами. Согласно мифологеме, Локи был виновен в смерти бога Бальдра. Кроме того, он стал причиной распри между асгардцами, которые описаны в тексте «Перебранка Локи». Также Локи отказался оплакивать Бальдра, поэтому богиня Хель отказалась возвращать этого бога в Асгард (согласно договору между Хель и асами, каждое живое существо должно оплакивать Бальдра, тогда она вернёт его). Отметим, что сам Локи – неоднозначная фигура скандинавской мифологии. Он представляет собой классический пример трикстера.⁶ Согласно мифу, Локи был спрятан в пещере и привязан асами кишками собственного сына Нарви к трём камням. Локи подвергается

---

⁶ Согласно К. Юнгу, трикстер – «и человек, и сверхчеловек, и животное, и божественное существо, главный и наиболее пугающий признак которого – его бессознательное. По этой причине его покидают товарищи (очевидно, люди), что, по-видимому, указывает на отставание его уровня сознания от их. Он настолько бессознателен по отношению к самому себе, что его тело не является единым целым; две его руки бьются друг с другом» [Юнг, 1997, с. 347]

страданиям, которые закончатся лишь во время Рагнарёка.⁷ Он переживает как физическое, так и психическое испытание. Первое истязание связано с болью, которую приносил яд, капающий ему на лицо, второе – со смертью собственного сына.

В данном сюжете присутствует множество элементов, связанных с инициатической символикой. Первый элемент – это место, где заточили Локи – пещера. Пещера в инициатической символике связана с образом «чрева матери Земли», которое является эквивалентом вместилища чего-либо трансцендентного, тайны, что открывается при посвящении [Элиаде, 1999, с. 144]. Лоно Земли часто интерпретировали как некое чудовище [там же, с. 158], живот которого – это аналог чрева богини подземного мира, то есть правительницы Ада и царства мёртвых. Согласно многим мифологемам, после посещения Ада, герои получали особые знания.

Второй инициатический элемент – испытания. Действительно, как показано выше, бог Локи подвергся невероятным испытаниям и истязаниям. Третий элемент посвящения связан с богиней Сигюн. Она единственная, кто остался с богом Локи и помогал ему перенести эти страдания. В инициатической практике мужчин существует реликтовый феномен – принятие участия в посвящении женщин. Это, как правило, имеет место быть в таких инициациях, где индивидуум во время экстатического состояния проявляет агрессивное поведение. Присутствие женщины рядом, учитывая специфику табуирования сексуальности в архаических религиях, позволяет успокоить неофита.⁸ Роль Сигюн в данной мифе очень важна. Она, с одной стороны, помогает Локи перенести физические страдания от капающего яда из пасти змеи, с другой – она есть контроль и смягчение «ярости и безумия» экстатического состояния этого бога. Здесь необходимо учитывать два аспекта. Во-первых, согласно вероучению скандинавских племён, Локи произошёл от ётунов, либо только отец его был из Ётунхейма, а великаны отличались своим неистовым характером. Во-вторых, здесь так же можно говорить о феномене «ярости берсерка», которая также отличается буйным и разрушительным характером. Последний элемент посвящения – это змея, которую подвесили над Локи. Она является аналогом чудовища, которое часто фигурирует в ритуалах испытания неофитов.

Обратимся к внутреннему содержанию посвящения Локи. Предположим, что в данной инициации существуют два важных момента. Первый заключается в нравственной детерминации этого бога. Дело в том, что архетип трикстера отличается тем, что он не ответственен за свои поступки. Трикстер также не может отличить добро от зла, его поступки продиктованы бессознательным и не имеют нравственного анализа и оценки им самим. Но обратим внимание на то, что после того, как Локи был наказан и заточен в пещере, он принимает решение выступить против асов и ванов. И вот это его решение уже является осознанным решением, за которое он ответственен, так как «ответственный поступок и есть поступок на основе признания должествующей единственности» [Бахтин, 2003, с. 40].

Второй важный момент – сами знания, которые заставляют Локи принять решение, что повлияло на разрушение его нравственной амбивалентности. Можно предположить, что характер этих сакральных знаний идентичен тем же, что получил и Один во время своей инициации. Отметим, что сферы, из которых получают инициатическую тайну Локи и Один, различны: одна является инфернальной, вторая – божественной. М. Элиаде отмечает, что существует два способа получения сакральных знаний: 1) спуск в Ад, после по-

⁷ «Тогда Скади взяла ядовитую змею и повесила над ним, чтобы яд капал ему в лицо. Но Сигюн, жена его, стоит подле и держит чашу под каплями яда. Когда же наполняется чаша, она идет выбросить Яд, и тем временем яд каплет ему на лицо. Тут он рвется с такой силой, что сотрясается вся земля. Вы зовете это землетрясением. Так он будет лежать в оковах до Гибели Богов» [Стурлусон, 2005, с. 51].

⁸ М. Элиаде приводит два основных примера: 1) посвящение каннибалов Квакиютль [Элиаде, 1999, с. 173]; 2) посвящение Кухулина [Элиаде, 1999, с. 220]. В обоих случаях только женщины способны на время «успокоить» неофита в состоянии экстатического безумия.

сещения которого герой получал их [Элиаде, 1999, с. 160]; 2) подъем на небеса, либо взбирание по столбу или дереву, на вершине которого открывается истина [Элиаде, 1999, с. 193]. Во втором случае дерево есть символическая интерпретация получения знаний. Хотя сферы инфернального и божественного антагонистичны друг другу, в то же время различие форм и проявлений обусловлено «самим фактом природных различий между индивидами, дабы каждый мог найти то, что ему подходит для развития его собственных возможностей; хотя цель для всех одна и та же, но исходные точки бесконечно разнообразны и сопоставимы со множеством точек окружности» [Генон, 2008, с. 196].

Можно предположить, что через инициацию Локи получает то же пророчество, что и Один, а именно пророчество эсхато-апокалиптического характера. Внутреннее содержание этих знаний – нравственное разложение всего мироздания и неизбежность онтологического разрушения. Данная гипотеза является логичной и обоснованной, если учесть специфическое качество трикстера как предтечи спасителя [Юнг, 1997, с. 347], так как именно благодаря его действиям начинается Рагнарёк, а затем возрождается новый мир, где правит самый чистый и светлый бог Бальдр, который всегда был надеждой мироздания и воплощением добра.

Нравственная аутентичность и дальнейшие поступки бога Локи объясняются как общеонтологическими, так и личными мотивами.⁹ Под общеонтологическими причинами необходимо понимать эсхато-апокалиптические знания, которые он получил посредством инициации. Личный мотив – месть за своих сыновей, Нарви и Вали. Стоит отметить, что месть за родственников и отстаивание чести семьи является обязательным явлением скандинавского уклада общества. [Симпсон, 2005, с. 182–183]. Это ещё раз указывает на то, что бог Локи нравственно детерминирует себя, и его решение является осознанным и ответственным в отличие от действий архетипа трикстера.

Индивидуум не может постоянно находиться в состоянии неопределённости или безразличном равновесии, когда две антагонистичные противоположности принимаются одинаково, так как «подобное равновесие совершенно противоречит опыту, и при самоанализе обнаруживается, что всегда существовала какая-нибудь причина или какое-нибудь основание, которые склоняли нас на принятую сторону, хотя мы часто и не замечаем того, что нас склоняет» [Лейбниц, 1989, с. 152]. Это умозаключение актуально для эсхатологических и апокалиптических систем, так как нравственная аутентичность – обязательный элемент экзистенции индивидуума. В таких системах нет непричастных к эсхатологическому процессу. Всё мироздание стимулирует бога Локи к принятию решения, так как в общей онтологической системе, согласно вероучению, не может быть места амбивалентности. Инициация открывает ему этиологическое и телеологическое обоснования деятельности: месть за семью, а также эсхатологическая необходимость очищения мира.

Есть ещё несколько моментов, указывающих на инициатический аспект образа бога Локи. Первая особенность заключается в матери данного божества. Его мать Лаувейя, согласно мифологии, либо великанша, либо асиня, которая вышла замуж за ётуна Фарбаути (к сожалению, о ней существует мало информации, а в русскоязычной литературе встречается только упоминание). Её имя переводится как «лиственный остров»¹⁰, что по сути своей является кеннингом, метафорой «дерева». Она – символ нежности и мате-

⁹ «Единая и единственная правда поступка задана, как синтетическая правда – психологическое объединённое с субъективным, индивидуального и общезначимого через свою ответственность» [Бахтин, 2003, с. 29-30]. Иными словами, теперь поступок бога Локи является целостным по своему внутреннему содержанию, что предопределяет его к нравственной детерминации и ответственности за свои действия.

¹⁰ От слов Lauf – «листва на деревьях», «украшение из листьев», и ey – «остров», «плоская земля у воды» [см. Викернес, 2007, с. 123]. Схематически это напоминает космогоническое построение мироздания: остров, на котором растёт Мировое Древо (Иггдрасиль), окружённое водами мирового океана.

ринства, богиня деревьев, особо покровительствует небольшим деревцам. Кроме того, Лавейю называли Наль («игла»¹¹, «весло»), так как она была очень худой и лёгкой [Викернес, 2007, с. 123]. После смерти своего мужа, она унесла сына Локи в Асгард, а сама умерла от горя. Анализируя данную мифологему, можно предположить, что бог Локи имеет непосредственное отношение к ритуалам посвящения. Его происхождение говорит об особой предрасположенности к инициации, а также к мистическим знаниям.

Другой аспект, указывающий на инициатический характер образа Локи, – власть над огнём. Об огненной натуре Локи говорят его потомки: богиня Хель (царица ада) от великанши Ангрбоде. Иногда ему приписывают брак с великаншей Глут (сияние), которая родила двух дочерей: Эйзу (уголья) и Энмиру (пепел) [Гербер, 2008, с. 200]. Второе имя Локи, или его хейти – Лодур. Это божество огня, один из трёх богов, участвующих в сотворении людей. Он вдохнул чувства и эмоции в людей, наделил кровью и «цветом». Однако, если рассматривать концепцию о том, что Локи потомок ётунов, инистых великанов, то возникает антиномия двух начал: огня и холода. Это противоречие может быть разрешимо в парадигме инициатического аспекта личности Локи. Дело в том, что «множество первобытных народов представляют себе магическую и религиозную силу как нечто "обжигающее" и пользуются для определения этого феномена терминами, которые означают "жар", "ожог", "очень горячий" и т. п.» [Элиаде, 1999, с. 223]. Чрезмерный жар является характерным признаком колдунов, магов, мистиков, шаманов, то есть тех, кто близок к инициатической сфере.¹² М. Элиаде отмечает, что «синдром "магического исступления, жара", — всегда означает, что условия обычной человеческой жизни разрушены, и человек превращается в трансцендентное существо, в сверхчеловека» [там же, с. 175]. Всё это говорит о том, что Локи обладает особыми качествами, магическими и трансцендентными, которые делают его значимым для космогонии, космологии, экзистенции и эсхатологии.

В заключении нужно подчеркнуть важный момент. Инициация – это не способ получения каких-либо сверхъестественных сил, а именно обретение особых и мистических знаний.¹³ Бог Один и Локи проходят инициацию для получения эсхатологического пророчества. Это конечно не исключает идею о том, что посвящение способно изменять физические качества индивидуума (например, «ярость берсерка» или экстатическое состояние шамана), однако в данном случае скорее стоит говорить о духовных, ментальных и психологических переменах, которые в свою очередь способны влиять на изменение индивида на всех уровнях.

Мифологемы инициации скандинавских богов

Следующий миф, связанный с инициацией, скрыт в сюжете о сыновьях Локи Вали и Нарви. Асы превратили старшего Вали в волка и заставили перегрызть горло младшему Нарви за то, что те хотели защитить своего отца на суде. Здесь переплетены два инициа-

¹¹ Игла, как и столб или мачта – схематическая интерпретация Мирового Древа.

¹² Чрезмерный жар порождает чрезмерную энергию. А.П. Скрипник считает, что слово «зло» этимологически связано с избытком и чрезмерностью [Скрипник, 2001, с. 154]. Видимо эта особенность и стала одной из причин причисления Локи к злым богам, как антагониста Тора и Одина. Однако изначально Локи был богом домашнего очага и праздности, и лишь со временем он стал противником асов [Гербер, 2008, с. 199].

¹³ Как отмечает Р. Генон «инициация никоим образом не имеет целью обретение «сил», которые, как и сам мир, где они используются, принадлежат в конечном счете области «большой иллюзии»; для человека на пути духовного совершенствования речь идет не о том, чтобы крепить связь с ней новыми узами, но, напротив, о том, чтобы освободиться от нее полностью; а это освобождение может быть достигнуто только благодаря чистому знанию — при условии, разумеется, что последнее не будет только теоретическим, но, напротив, станет вполне действенным» [Генон, 2008, с. 277]. Иными словами, эффективность этих знаний для индивида доступна только через реализацию в действительности и деятельности.

тических сюжета. Первый связан с превращением в волка бога Вали. В скандинавской мифологии и поэзии образ этого животного встречается очень часто. Так или иначе, обращение в волка является типичным северным сюжетом посвящения. Например, М. Элиаде, анализируя сагу о Зигмунде и Зинфьётли, приходит к выводу, что сюжет наделён всеми элементами, указывающими на инициацию мужского союза, а именно – «испытание храбрости, стойкость перед физическими страданиями и, наконец, магическое превращение в волка» [Элиаде, 1999, с. 215]. Превращение Вали в волка – это сюжет воинского посвящения и испытания верности. Кроме того, здесь прослеживается основная идея посвящения берсерков: доведение до экстатического состояния «ярости», которая имеет мистико-сакральный характер и является неотъемлемым элементом великих воинов [там же, с. 218–219].

Посвящение Нарви имеет более сложный характер. Можно предположить два варианта. Первый связан с сюжетом саги о Зигмунде и Зинфьётли. Оба персонажа пребывали в образе волков. В результате ссоры Зигмунд перегрызает горло Зинфьётли, однако потом воскрешает его [там же, с. 215–215]. Второй вариант – эсхатологический, связанный с необходимостью изменения модального (физического и духовного) состояния существа для трансгрессии в новом идеальном мире после Рагнарёка.¹⁴

Отметим, что в данном мифе имманентно присутствует несколько важных идей, которые влияют на всю мифологическую систему скандинавов. Мифологема о Вали и Нарве перекликается с мифом убийства богом Хёдом своего брата Бальдра. Оба случая связаны с нарушением древней клятвы между асами и ванами о том, что никто из них больше не прольёт крови друг друга. Отметим, что «асы и ваны скандинавской мифологии относились к разным родам и воевали как два враждующих племени. Война прекратилась, лишь, когда они обменялись заложниками». При этом Асгард потерпел поражение [Петрухин, 2010, с. 25, 107]. Этот договор распространялся на всех богов без исключения, то есть и тех, кто имел кровное родство и побратимство.

Также стоит отметить, что миф о Вали и Нарве перекликается с сюжетом эсхатологической битвы между Одним и волком Фенриром. Всё вышесказанное указывает на элемент эсхатологического провиденциализма в сюжете о двух сыновьях бога Локи: когда наступит эпоха Рагнарёка, брат поднимет меч против брата, наступит война, где человек не будет жалеть человека [Исландский Эпос, 2008, с. 33–34].

Вторая важная идея данного мифа связана с богом Локи. Именно убийство асами сыновей стало для Локи тем катализатором, который стимулировал его нравственную аутентичность. Такой поступок асгардцев «убил» в Локи последнее от асов, а именно уклад и следование определённым нормам (т.к. он воспитывался среди богов в Асгарде), которые конфликтовали с его природой ётуна. Дело в том, что этот конгломерат антагонистических начал и был причиной амбивалентного поведения трикстера.

Следующий сюжет инициации связан с богом Видаром. Во время Рагнарёка волк Фенрир убьёт Одина, однако Видар отомстит за смерть отца. Интересно, что этот бог имел меньшую популярность у скандинавских племён, чем Тор, хотя в эсхатологической картине играет одну из центральных ролей. Это связано с функциями двух этих персоналий: Тор – защитник людей, поэтому и был популярен у воинов, а Видар – защитник богов и не имел никакой связи с Мидгардом (миром людей). Видар использует свой башмак, чтобы Фенрир не смог сомкнуть челюсти, а затем разрывает волку пасть голыми руками. Данный сюжет имеет инициатические элементы. Сам Фенрир представляет собой символическую интерпретацию ада. Такая символическая тенденция существовала и в иные времена.

---

¹⁴ «Инициация в целом описывается как «второе рождение», чем она в действительности и является; но это «второе рождение» неизбежно предполагает смерть в профанном мире и следует за ней непосредственно; ведь это, собственно говоря, лишь две стороны одного и того же изменения состояния» [Генон, 2008, с. 299]. Для нового мира без зла, которое наступит после Рагнарёка, необходимо иное состояние индивида, инициация способствует достижению такого состояния.

Например, «в средневековой фантастической литературе Ад часто представлен в форме огромного чудовища, прототипом которого, вероятно, является библейский Левиафан» [Элиаде, 1999, с. 159]. Мифологема убийства Видаром Фенрира перекликается с инициатическими сюжетами, где герой сталкивается с огромным чудовищем, оказывается проглоченным, а затем разрывает или разрезает его пополам, чтобы выбраться. Также существуют мифологемы, где важным условием инициации является не позволить чудовищу проглотить героя или не дать ему закрыть пасть (примером может являться полинезийский миф о Нга-наоа, где герой протыкает пасть чудовища мачтой, чтобы оно не захлопнуло пасть).

Видар, как и Локи, имеет в роду великанов, которые представляют собой inferнальную сферу. Выше было отмечено, что богам и великанам суждено умереть во время Рагнарёка, спасётся лишь молодое поколение. Однако Локи не перерождается в новом мире, а Видар воскресает. По-видимому, ввиду своего образа жизни последний не подвергся нравственному разложению, как другие боги. Дело в том, что Видар является богом мщения и молчания, он олицетворяет девственный лес и неиссякаемую природную силу. Его жизнь – это аскеза и изоляция, которая помогла ему сохранить нравственную чистоту. Кроме того, для инициации характерна изоляция неопита, а также следование определённым табуированным правилам. Его образ схож с образом бога Вали, сыном Одина.¹⁵

Однако в мифологии присутствуют примеры и неудачной инициации. Ярчайшим из них является символическое посвящение бога Бальдра. Согласно мифологии, Бальдр был убит своим братом богом Хёдом, руку которого направил Локи. Можно предположить, что Локи не совершал данный поступок или причастен к нему косвенно. Косвенная причастность заключается в том, что Локи является исполнителем общей цели или воли Одина [Мелетинские, 1975, с. 48]. Идея невиновности Локи заключается в следующем. Дело в том, что покровительство Одина непостоянно, он часто обрекал своих почитателей на смерть, поэтому его считали богом насильственной смерти [Симпсон, 2005, с. 209]. Кроме того, Один умел перевоплощаться и обладал иными магическими способностями, был коварен и хитер [Мелетинские, 1975, с. 48]. Это указывает на возможную причастности к смерти Бальдра Одина. Сюжет, в котором отец убивает сына, распространён в скандинавской поэзии [Гуревич, 2009, с. 21]. Примером может служить сага о Зигмунде и его сыне Зинфьётли. Интересно то, что только Вали и Нарви встали на защиту отца, когда асы судили Локи, ведь именно они будут удостоены спасения после Рагнарёка, что предполагает их нравственную чистоту.

Согласно Е.М. Мелетинскому, сюжет смерти Бальдра – это «ритуальный прообраз мифа – воинская инициация, но Бальдр попал в Хель, а не в Валгаллу, т.к. погиб не в битве» [Мелетинские, 1975, с. 44]. Р. Генон отмечает, что для инициации испытуемый должен обладать определёнными качествами, иметь трансмиссию (связь с традицией), а также работать для достижения посвящения [Генон, 2008, с. 165]. Бальдр же не соответствовал требованиям для воинской инициации. Причиной было его отличие от остальных асов. Но с другой стороны, здесь прослеживается инициация иного характера. Он спускается в ад к богине Хель (инициатический символ), где пребывает до Рагнарёка. Его сходжение в ад – это инициация, которая позволяет ему возродиться после того, как Сурт сожжёт мир. И хотя изначально смерть Бальдра планировалась как воинское посвящение, по своему внутреннему содержанию оно таким не стало. Это сотериологическая инициация, имеющая апокалиптический коррелят.

Интересный инициатический сюжет – это миф, связанный с персоналиями Тюра и Фенрира. Он не настолько яркий, как мифологема, связанная с Бальдром, однако в нем

¹⁵ Сложно говорить об идентичности этих богов, или что один из них является хейти по отношению к другому. Однако оба они являются богами растительности, произошли от великанши, а также являются оружием мщения (Вали – за смерть Бальдра; Видар – за Одина). Кроме того, Видар живёт в аскезе изоляции от богов и мира, Вали – рождается и моментально вырастает перед Рагнарёком, поэтому зло и порок не успевают его затронуть. Обе эти персоналии переродятся в новом мире, после того как старый сгорит.

также присутствуют элементы инициатической деструкции. Миф связан с пленением Фенрира. Чтобы асы смогли связать волка, Тюр вложил ему руку в пасть, как бы показывая тем самым отсутствие злых намерений. Когда Фенрир понял, что его предали, он откусил Тюру руку. Очевидно, что эта сцена является символическим изображением обряда посвящения, так как бог Тюр является божеством воинской смелости и доблести. Данный обряд является только воинской инициацией и на эсхатологическую сферу не распространяется, так как подобно Тору, Тюр погибнет во время последней битвы и не воскреснет в новом мире.¹⁶ Это пример обратный предыдущему: посвящение позволило стать одним из асов, которые будут сражаться в битве, однако исключило возможность спасения.

Заключение

Итак, Рагнарёк является драматическим событием экзистенции мироздания. Отметим, что в последней битве есть момент, который указывает на особую безысходность старого мира. Он связан с битвой между богом Локи и Хеймдаллем во время Рагнарёка. Можно предположить, что между этими персоналиями существует особая связь или «родство». Дело в том, что Локи произошёл от Лаувейи, которая символически связана с древом Иггдрасиль. Хеймдалль является сыном «девяяти матерей», т.е. девяти миров. Он видит всё, что происходит во всех девяти мирах, предвидит будущее. Мировое древо есть символическое представление космологии, то есть архитектоники вселенной, состоящей из девяти миров. Локи в последней битве не сражается с Одним или Тором, главными асами, а борется именно с Хеймдаллем. Между ними существует определённое «родство» или «побратимство», возможно, инициатического характера. Однако даже имея знания будущего, они убивают друг друга. Здесь полностью раскрывается принцип Рагнарёка, что «братья начнут биться с братьями», так как даже знания высшего (гностического, мистического, трансцендентного, сакрального) характера их не остановили.

В целом же можно отметить, что в скандинавской мифологии инициация представлена в трёх формах. Первая – это форма провиденциализма в рамках эсхатологической парадигмы. Она раскрывает телеологическое и этиологическое обоснование Рагнарёка (Один, Локи и т.д.). Вторая – это личностно-экзистенциальная, онтологическая. Она связана с эсхатологической и апокалиптической трансгрессией, как принципом сотериологии (Бальдр и т.д.). Третья форма – воинская инициация, посвящение в мужской союз (Тюр). Две первых формы имеют нравственный примат, драпированный в апокалиптическую концепцию Рагнарёка.

Список литературы References

1. Бахтин М.М. 2003. Собрание сочинений в 6 томах. Т.1. М., Изд-во «Русские словари»: 956 с.
Bakhtin M.M. 2003. Collected works in 6 volumes. Vol. 1. M., Publishing house "Russian dictionaries": 956 p.
2. Викернес В. 2007. Скандинавская мифология и мировоззрение. Тамбов. Пролетарский светоч: 232 с.

---

¹⁶ Это указывает на то, что даже среди представителей молодого поколения богов будут те, кто не будет способен пройти этап эсхатологической трансмиссии для спасения. Кроме того, после Рагнарёка выживает бог Хёнир, который является асом старого поколения. Такой пример является реликтом для эсхатологической концепции Рагнарёка, однако он подчёркивает, что трансгрессия основана на ином принципе, нежели принадлежность к поколению. Отметим также, что субстратом является нравственность. Хёнир стар исключением по причине того, что находился в изоляции от асов. Или же причина спасения лежит в его функциях, а именно гносеологических, так как именно он при сотворении людей наделяет их логикой и возможностью мыслить, что делает его сопричастным к инициатической сфере, так как она также является областью знаний.

- Vikernes, V. 2007. Skandinavskaya mifologiya i mirovozzrenie. [Norse mythology and worldview]. Tambov. Proletarskij svetoch: 232.
3. Генон Р. 2008. Кризис современного мира. М.: Эксмо, 784 с.
Genon R. 2008. Krizis sovremennogo mira [Crisis of modern world]. М.: ЕНkсмо: 784 .
4. Гербер Хелен. 2008. Мифы Северной Европы. М., Центрполиграф: 346 с.
Helen Gerber. 2008. The myths of Northern Europe. М., Tsentrpoligraf: 346.
5. Гуревич А.Я. 2009. Избранные труды. Норвежское общество. М.: Традиция, 470 с.
Gurevich A.YA. 2009. Izbrannye trudy. Norvezhskoe obshchestvo. [Selected works. Norwegian society]. М., Tradiciya: 470
6. Исландский Эпос. 2008. Старшая Эдда. Перевод А. Корсуна. СПб., Азбука-классика: 464 с.
Icelandic Epic. 2008. The Elder Edda. Translated By A. Korsun. SPb., Azbuka-Klassika: 464 p.
7. Лейбниц Г.В. 1989. Сочинения в 4-х тома, т.4. М., Мысль: 554 с.
Leibniz G.V. 1989. Works in 4 volumes, vol. 4. М.: Thought, 554.
8. Мелетинские Е.М. 1975. Скандинавская мифология как система. Труды по знаковым системам, 7: 38–51 с.
Meletinskiy E.M. 1975. Scandinavian mythology as a system. Works on sign systems, 7: 38–51.
9. Петрухин В.Я. 2010. Мифы древней Скандинавии. М., АСТ: 464 с.
Petrukhin V.Y. 2010. Myths ancient Scandinavia. М., AST: 464 p.
10. Симпсон Жаклин. 2005. Викинги. Быт, религия, культура. Пер. с англ. Н.Ю. Чехонадской. М., ЗАО Центрполиграф: 239 с.
Simpson, Jacqueline. 2005. Vikings. Life, religion, culture. Tr. from English. N.Y. Chekhonatskaya. М., ЗАО Centrpoligraf: 239 p.
11. Скрипник А.П. 2001. Зло. В кн.: Этика. Энциклопедический словарь. М., Гардарики: 154–156 с.
Skripnik A.P. 2001. Zlo [Evil]. V kn.: Ehtika. ENciklopedicheskiy slovar'. [Ethics. Encyclopedic dictionary]. М., Gardariki: 154–156.
12. Стурлусон Снорри. 2005. Младшая Эдда. СПб., Наука: 139 с.
Sturluson, Snorri. 2005. The Younger Edda. SPb., Nauka: 139 p.
13. Элиаде М. 1999. Тайные Общества. Обряды инициации и посвящения. СПб., Университетская книга: 356 с.
Eliade M. 1999. A Secret Society. The rites of initiation and dedication. SPb., Universitetskaya kniga: 356.
14. Юнг К.Г. 1997. Душа и миф. Шесть архетипов. М., Совершенство: 384 с.
Jung, C. G. 1997. The Soul and the myth. Six archetypes. М.: Sovershenstvo: 384 p.